

Пожалуй, стихи Валентина Нервина можно уподобить таким когнитивным качелям. В его лирике есть пристальное пронизательное погружение в суть человеческую, в малости и подробности, скажем так, внутреннего пейзажа, наблюдение за которым способствует и зоркости взгляда, обращенного на внешний пейзаж. И, вместе с тем, в негромких, но проникновенных строчках этого автора присутствует приподнятость над обыденным рутинным порядком вещей в ойкумене. Словно бы автор пытается взглянуть на всё из небесной обсерватории. И, кажется, у него это получается.

О. Г.

У ПРИЧАЛА

* * *

Жизнь устаканилась
и понемногу
определилось её существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.
Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей незнакомых почти.
Вон, рыбачок у причала шаманит,

я подойду, за спиной постою;
он обернётся и запросто глянет
с облака

в самую душу мою.

* * *

Жизнь повсюду хороша,
только нравы одичали,
оттого моя душа –
территория печали.
Я не ангел, не герой –
человек обыкновенный,
но случается порой
притяжение Вселенной.
Вероятно потому
и горит звезда молчанья,
уводя по одному
от земного одичанья.

ОБЛАКА

Человеческим законам
неподвластные пока,
над Кожевенным кордоном
вечереют облака.
Собираясь у излучки,
вечереют надо мной –
выше боли и разлуки,
выше радости земной.
Если к облаку подняться
по закатному лучу,
то такие песни снятся –
просыпаться не хочу.
То ли эхом, то ли стоном
отзывается строка:
над Кожевенным кордоном
вечереют облака.

* * *

На белом коне, со звездой во лбу
и, море ему по колено –
Архангел достал из футляра трубу:
– Маэстро,
 давайте Шопена!..
Земная музыка по Розе ветров
летит между адом и раем,
а мы, накануне больших катастроф,
по-прежнему в бисер играем.

* * *

Сидит человек у реки
и слушает голос воды,
и мысли его далеки
от века
 на круге беды.
А век человека влечёт
по той траектории, где
река никуда не течёт,
и только
 круги по воде.

* * *

На фоне заката,
 на лоне природы
мы жили, казалось, у края земли,
когда по фарватеру шли пароходы
и сонные воды, как время, текли.
Судьба нагадала
 навек проститься
и мы выпадали из времени, где
над нами летали красивые птицы
и тени сновали по лёгкой воде.
Чем дальше по жизни,
 тем сумерки ближе –
махни на прощанье рукой вдалеке.
Во сне запоздалом однажды увижу
огни парохода на тихой реке.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Всю недолгую ночь напролёт
между Южным и Северным полюсом
перелётная птица поёт
о любви человеческим голосом.
И звезда от любви до земли
долетает ночными зигзагами,
и плывут по морям корабли
под красивыми гордыми флагами.
...Эта жизнь утечёт, как вода,
но поёт и поёт непонятная
птица, женщина или звезда –
перелётная,
 послезакатная...

РУСАЛКА

Волну живую рассекая,
от всех печалей и забот
уходит женщина морская
во глубину азовских вод.
И там, не отходя от кассы,
безотносительно обид,
любви и нежности запасы
морская женщина хранит.
На полнолуние, всего лишь,
вскипает горькая вода
и что-то из её сокровищ
перепадает нам тогда.

НЕДОЛГАЯ ЛЮБОВЬ

Волна нахлынула,
 потом отхлынула –
остались камешки на берегу,
любовь недолгая была, да сгинула,
но позабыть о ней я не могу.
Гуляет по небу шальная молния
и отражается в речной воде,
ушла вдоль берега любовь недолгая

и не встречается уже нигде.
Моя недолгая любовь не сбудется –
она развеется, как на ветру,
но отражение в реке заблудится
и не забудется,
 когда умру.

* * *

У возраста странная мера:
по памяти время храня,
я, может быть, старше Гомера,
но Лермонтов старше меня.

Наверное, скоро наука
откроет великий закон
и дед, опекающий внука,
узнает, что внук – это он.
И, всё повторяя сначала,
выходишь из мрака на свет,
а женщина ждёт у причала,
наверное, тысячу лет.

Законы любви и природы
всегда утверждают одно:
какие бы не были годы,
любимым стареть не дано.

* * *

Пока стрижей стремительная стая
выныривает с облачного дна,
лежу в траве, до неба дорастая,
по лабиринтам воздуха и сна.
Пути господни неисповедимы
равно для птиц, деревьев и земли;
фантазии мои необходимы
какому-нибудь облаку вдали.
А ветер, налетая временами,
раскачивает сны и тополя,
и с высоты,

которая над нами,
не разобрать,
где я, а где земля.

ЗВЕЗДА

К утру холодает.
И чудится, вроде,
костёр догорел, а звезде невдомёк,
что недолговечная ночь на исходе –
кукушка молчит и горчит кофеёк.
Любимая,
нам уходить в одиночку,
но я тривиально доволен судьбой:
есть пара минут на хорошую строчку –
на память,
которая будет с тобой.
Сейчас я достану заветную фляжку –
налей до краёв и звезду не туши:
возможно, судьба предоставит поблажку
на время любви,
на пространство души.

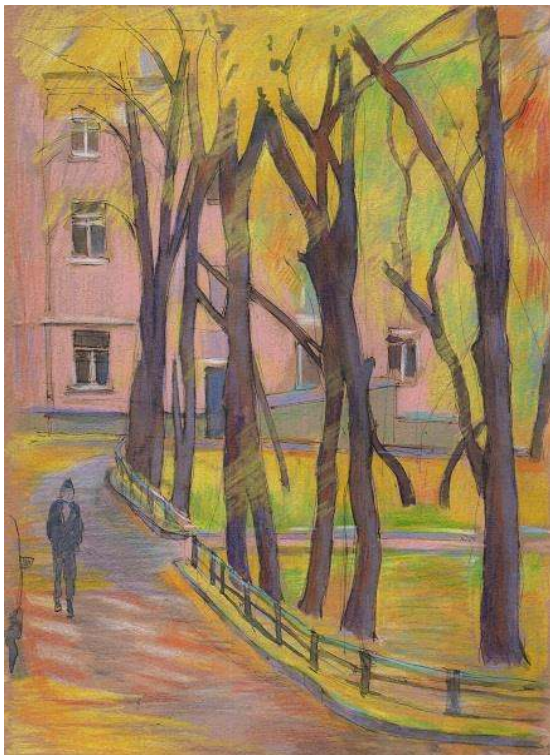
У АДМИРАЛТЕЙСКОГО ПРИЧАЛА

От Адмиралтейского причала
отплывает белый катерок.
Если бы я начал жить сначала,
плавал бы и вдоль, и поперёк.

Если человек уходит в море
или даже просто по реке,
непременно ждёт на косогоре
девушка в узорчатом платке.

Чайка без печали прокричала,
ветерок по памяти летит,
у Адмиралтейского причала
катерок последний тарахтит.

Время не отпустит на поруки –
сердце успокоится на том,
что махала с берега разлуки
девушка узорчатым платком.

Анна Виноградова. «Двор осенью». Крафт-картон, цветные карандаши. 21,8х30 см.
2016 г.